

PLAY

MICHAEL BRECKER
JOHN LEE HOOKER
JESSICA SIMPSON
BASEMENT JAXX
HUMAN LEAGUE
MARC ALMOND
ТАНЦЫ МИНУС
CLAWFINGER
KILLDAY
HANDEL
JAMES

№8/август'01 вся музыка в одном журнале

robert miles

дети выросли

moloko

ремиксы лета

tricky

трюкач

429 CD
в номере

björk

ТАНЦУЮЩАЯ

björk

танцующая

СЛУШАЯ НОВЫЙ АЛЬБОМ „**VESPERTINE**“, ОКОНЧАТЕЛЬНО ПОНИМАЕШЬ, В ЧЕМ УНИКАЛЬНОСТЬ БЬОРК: ОНА — В ЕЕ СТРАННОМ, КРАЙНЕ ЛИЧНОМ ЧУВСТВЕ РИТМА. ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ — ГАРМОНИЧЕСКОЕ И МЕЛОДИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ, „НЕОБЫЧНЫЕ“ ЗВУКИ, ПСЕВДОФОЛЬКЛОР И ВОКАЛЬНУЮ НЕПОХОЖЕСТЬ МОЖНО ОБЪЯСНИТЬ, ПРОСЧИТАТЬ И СКОПИРОВАТЬ. НО ВОТ ТА СВОБОДА, С КОТОРОЙ ОНА В РАМКАХ ОДНОЙ РИТМИЧЕСКОЙ СХЕМЫ БРОДИТ МЕЖ СИЛЬНЫХ И СЛАБЫХ ДОЛЕЙ, НЕ ОПИРАЯСЬ ТОЛКОМ НИ НА КАКУЮ ИЗ НИХ, А ОСТАВАЯСЬ, ЧТО НАЗЫВАЕТСЯ, „IN BETWEEN“ — ИМЕННО ЭТА СВОБОДА ПРИДАЕТ ЕЕ МУЗЫКЕ ТУ САМУЮ „ИЗЛОМАННОСТЬ“, ПЕРЕРСТАЮЩУЮ В „ИЗЫСКАННОСТЬ“. ИЗ-ЗА ЧЕГО СЛУШАТЬ БЬОРК СЧИТАЕТСЯ ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ ПРЕСТИЖНЫМ.

Исландия — страна маленькая. Но будоражащая воображение. Расположенная рядом с Полярным кругом, покрытая снегом и ледниками, населенная потомками викингов — выходцев с территории современной Норвегии, она замечательна своим совершенно непригодным для жизни климатом.

Русскому человеку должно быть особенно приятно сознавать, что где-то есть страна, в самом теплом углу которой среднесуточная летняя температура — 11 градусов. Соответственно, население острова не дотягивает до 300 тысяч человек — числа жителей какого-нибудь не самого большого московского района. Фактически — захолустье.

Характерно, что ныне об этом захолустье знают все. Хотя еще 10 лет назад ничего, кроме исландской селедки в винном соусе, при упоминании этой страны никому на ум не приходило. Один из исландских кинорежиссеров того времени говорил: „У нас нет ни толковой истории, ни толковой культуры. У нас — одна природа“. Теперь все в Исландии есть — благодаря маленькой раскосой женщине по имени Бьорк, экзотическая внешность которой, кстати, вопреки расхожему мнению, не имеет ничего общего с национальными исландскими чертами. Девочку за ее глаза еще в школе дразнили „китайской“. Так что если благодарные исландцы когда-нибудь соберутся поставить памятник той, из-за которой ими заинтересовался мир, с национальной идентификацией могут возникнуть серьезные проблемы.

КОММУНАЛЬНОЕ ДЕТСТВО

Непроизносимую фамилию Бьорк — Гудмундсдоттир — легко осилить, если понять, что состоит она из двух слов: имени отца „Гудмунд“ (или Гудмундур) и приставленного к нему слова „доттир“ — „дочь“. Гудмундсдоттир — „дочь Гудмунда“, Гудмундовна по-нашему. Нормальная исландская практика образования фамилий. Народ маленький, всякий исландец знает любого своего соотечественника в лицо. О ребенке достаточно иметь представление, чей он. Как в деревне.

Гудмунд и Хилдур познакомились, когда им обоим было по 14 лет. Однако после рождения первого же ребенка — а им и была Бьорк, появившаяся на свет 21 ноября 1965 года в Рейкьявике, — не прожили вместе и года. Мать девочки не могла перенести сурового характера мужа, который часто ее бил, а главное — требовал, чтобы она сделалась домохозяйкой. Хилдур была странной женщиной: чуть ли не единственным врачом-гомеопатом во всей Исландии, причем врачом-любителем. К тому же она изучала боевые искусства и имела весьма смутное представление о частной собственности. Разведясь с первым мужем и тотчас выйдя замуж за второго, Саевара Анрасона, гитариста знаменитой в Исландии группы Pops, которого называли „исландским Джими Хендриксом“, она открыла двери своего дома для всех друзей мужа, так что вместе с Бьорк в нем жило до 14 человек одновременно.

Не то, чтобы это была чисто хипстерская коммуна — все эти люди ходили на регуляр-

„Я РОДОМ ИЗ СТРАНЫ, ГДЕ С 15 ЛЕТ ТЫ ВЫПИВАЕШЬ КАЖДУЮ ПЯТНИЦУ ПО ЛИТРУ ВОДКИ ПРЯМО ИЗ ГОРЛА. ЭТО НЕЧТО ВРОДЕ КУЛЬТУРЫ“.

дию представителей рекорд-лейблов. Деньги предлагались немалые, но The Sugarcubes все еще были панками в душе и выбрали себе независимый лейбл „One Little Indian“. Поначалу они были выгодным вложением для компании: их первый диск „Life's Too Good“, появившийся в мае 1988 года, собрал хорошую прессу и продался тиражом более миллиона. Дальше дела пошли хуже: пластинки „Here Today, Tomorrow Next Week!“ и „Stick Around For Joy“, вышедшие в 1989 и 1992 годах соответственно, встречены были прохладнее и продавались хуже. Участники группы вовсе занимались сольными проектами: Бьорк, в частности, записывалась с джазовым трио. Во время своего последнего тура The Sugarcubes даже были приглашены на разогрев к U2, однако дело все-таки шло к логическому завершению.

ДЕБЮТ

В 1992 году The Sugarcubes распались. А спустя год, в июле 1993-го, вышел первый сольный альбом Бьорк, названный „Debut“. Те, кто знал Бьорк по долгим годам пребывания на музыкальной сцене, были неприятно поражены названием пластинки. Бьорк пришлось объясниться: „Debut“ для меня — это способ самовыражения девственности, — говорила она в интервью. — Я имею в виду, девственности в музыкальном плане“. Определение все равно не слишком корректное, поскольку чем-чем, а неопытностью на пластинке и не пахло. В отличие от довольно традиционной музыки The Sugarcubes, в сольном проекте Бьорк занялась тем, что условно называется музыкой клубной. В случае с нею этот термин не объясняет совершенно ничего, ибо композиции певицы имеют мало отношения к ди-джейской культуре — они пишутся совсем по-другому. В сознании Бьорк из всех составляющих музыки главное место занимает звук: она была коллекционером звуков еще со времен Spit And Snot. Как одно из самых восхитительных переживаний в своей жизни она называет землетрясение в Лос-Анджелесе, которое она ощутила, находясь в отеле на бульваре Сансет. Она вспоминает, как скакала на кровати и визжала от восторга. „От сотрясения родился такой чудесный звук, — объясняет она. — Это был самый глубокий бас, какой я слышала когда-либо в жизни“. Когда все кончилось, она вышла на улицу. На улице стояли участники группы The Black Crowes и, подыгрывая себе на акустической гитаре, пели песню „It's The End Of The World As We Know It“. Бьорк подумала: „О нет. Только не это“.

ПОЧТА

Ее признали как звезду. На нее посыпались награды. В 1994 году на „Brit Awards“ она получила приз как лучшая певица года и как открытие года; ее видео на „Human Behavior“ выиграло премию „Грэмми“. Ее стали разрывать на части газетчики. Она не любила давать интервью: „Давать интервью по всему миру значит для меня одно и то же — каждый раз с вежливой улыбкой говорить: „Нет, у меня в ванной не сидит белый медведь“. Что гораздо хуже — у нее появилась целая армия поклонников. К поклонникам у нее сохранилось то же отношение, которое члены

„Дурного вкуса“ выказывали просящим автограф. „Мне приходится разговаривать с поклонниками, как со своим ребенком, — жаловалась она. — Типа „ну перестаньте“ или „ну опомнитесь“. Однако не это в поклонниках оказалось самым неприятным.

В 1995 году вышел ее второй сольный альбом „Post“. Спустя год, в сентябре 1996-го, 21-летний житель Майами Рикардо Лопез собрал посылку, которая, будучи открытой получателем, должна была направить ему в лицо струю кислоты; получателем на ней значилась Бьорк. Процесс создания бомбы Лопез снимал на видеокамеру; саундтреком к этому мрачному действу служила песня Бьорк „I Miss You“. Затем Рикардо Лопез разозжил себе голову выстрелом из пистолета; видеокамера зафиксировала и это. Посылка отправилась в Лондон; туда же из Майами, где она проживала со своим тогдашним другом Голди, буквально в нескольких кварталах от самоубийцы, направилась и сама Бьорк. К счастью, полиция, расследовавшая инцидент, оперативно связалась с лондонским почтовым отделением; посылку перехватили. „Я являюсь домог, — вспоминала Бьорк, — а на доме у меня висят сорок газетчиков, и даже к моему туалетному сиденью приделана камера. Мне такое гостеприимство совсем не показалось теплым“.

Другая история, случившаяся в том же году, касалась уже непосредственно журналистов. Во время тура в Бангкоке в аэропорту Бьорк напала на телекорреспондентку, не желавшую оставить в покое сына артистки, и стала ее бить. Впоследствии Бьорк неоднократно прилюдно извинялась за то происшествие, объясняя все расшатанными нервами и происхождением. „Это вам я кажусь безумной истеричкой, — рассказывала она. — Уверю вас, у себя в Исландии я — одна из тишайших“.

С выходом в сентябре 1997 года третьей пластинки „Homogenic“ пресса заговорила о взрослении певицы. В отличие от предыдущих дисков, достаточно эклектичных и разноплановых по звуковому наполнению и структуре песен, здесь в постоянном взаимодействии находились три основных составляющих: вокал, ритмы, частью индустриальные, частью синтетические, и струнная секция. Струнные Бьорк аранжировала практически в одиночку и, пожалуй, впервые в жизни ощутила смысл в том, что десять лет ходила в музыкальную школу и играла пьесы „мертвых немецких композиторов“.

ПЕРЕЖИВАЮЩАЯ В ТЕМНОТЕ

Теоретически, она могла бы продолжать писать хорошие пластинки и подтверждать свой звездный статус, однако по законам шоу-бизнеса такой эксцентричной особе требовалось сделать что-то из ряда вон выходящее. И она снялась в фильме Ларса фон Триера „Танцующая в темноте“ в роли слепнувшей женщины Сельмы. За эту роль на Каннском фестивале в 2000 году ей был вручен приз как лучшей актрисе года.

Первоначально фон Триер, задумавший снять в рамках „Догмы“ альтернативный мюзикл, просил Бьорк только написать ему песни, но потом решил, что лучше актрисы

ему не найти. В связи с чем перед ним встали две проблемы: певица Бьорк банально не умела играть, а актриса Катрин Денев, которая была по фильму подругой Бьорк и пела с ней дуэтом, не умела петь. Обе сложности он с успехом обошел: вокал Денев составил по кускам в студии, Бьорк же было велено не играть, а „переживать“. Бьорк нашла, что переживать у нее получается лучше, да так увлеклась этим мероприятием, что измотала всю съемочную группу своими истериками. А однажды и вовсе пропала со съемочной площадки, чтобы вскоре появиться с адвокатом, который потребовал перестать наносить его клиентке душевные травмы.

Как бы то ни было, все остались от этой истории в выигрыше: Бьорк, в частности, попала отныне и во все киноэнциклопедии. Тем не менее она заявила, что повторять данный опыт не собирается. „Мне кажется, что в мире слишком много дантистов, которые хотят быть автогонщиками, и автогонщиков, которые хотят быть дантистами, — объясняет она. — Временами, снимая в кино, я чувствовала себя „грязной“, как будто у меня появилась интрижка на стороне от музыки“. Впрочем, музыка от этого выиграла тоже, ибо саундтрек к фильму, под названием „Selmasongs“, оказался вполне полноценным новым альбомом Бьорк, хотя и несколько необычным для нее.

„VESPERTINE“

Невзирая на это, уже во время съемок фильма она говорила в интервью, что работает над своей следующей пластинкой — тогда она именовалась „Domestika“. Название сменилось, и альбом „Vespertine“ выходит в свет в августе этого года. Альбом совершенно характерный для Бьорк, мастерски сделанный, чуть более идиллический, нежели „Homogenic“ и гораздо более мудрый, нежели „Debut“ или „Post“.

И слушая его, окончательно понимаешь, в чем уникальность Бьорк: она — в ее странном, крайне личном чувстве ритма. Все остальное — гармоническое и мелодическое своеобразие, „необычные“ звуки, псевдофолк-лор и вокальную непохожесть можно объяснить, просчитать и скопировать. Но вот та свобода, с которой она в рамках одной ритмической схемы бродит меж сильных и слабых долей, не опираясь толком ни на какую из них, а оставаясь, что называется, „in between“ — именно эта свобода придает ее музыке ту самую „изломанность“, перерастающую в „изысканность“. Из-за чего слушать Бьорк считается по меньшей мере престижным.

Трудно сказать, откуда у нее этот дар, эта любовь к звуку собственного голоса, одновременно почти истеричного и эмоционально отстраненного. Вернее всего, что от холода — ибо только холод способен примирить истерику и бесчувствие. „Я пою из живота, — объясняет она. — Большинству звукоинженеров довольно трудно иметь со мной дело. В конце концов, почти все они вынуждены устанавливать для меня в студии микрофон с большим корпусом, который используется при записи контрабаса“.

А что еще можно противопоставить морозу? Только глубокое дыхание. Глубокое и горячее. ■

„ЭТО ВАМ Я КАЖУСЬ БЕЗУМНОЙ ИСТЕРИЧКОЙ. УВЕРЯЮ
ВАС, У СЕБЯ В ИСЛАНДИИ Я — ОДНА ИЗ ТИШАЙШИХ“.